View the original article

КУЛЬТУРА

Йэху ели крыс. К 300-летию выхода великой книги Джонатана Свифта

Иван Толстой

28 октября 2026



Йэху, поедающий крысу. Иллюстрация Жана Гранвиля к "Путешествиям Гулливера" Джонатана Свифта

Детский пересказ "Гулливера" забыть, конечно, нельзя. Огромный дядька лежит навзничь, привязанный какими-то кукольными нитками и притворяется пленником. А вокруг усердно хлопочут десятки страшно серьезных коротышек, мальчиков-с-пальчик, которые никак не замечают, что дядька скорее улыбается, нежели гневается. Но мы-то замечаем. У Гулливера все понарошку, он подыгрывает, он добрый. Мы тоже мечтаем попасть в страну лилипутов, ибо ничего нет уютнее миниатюрного мира.

Мы еще не знаем, что мечтают об этом все: что писатель Одоевский напишет сто лет спустя свой "Городок в табакерке", а писатель Ларри лет через двести отправит Карика и Валю летать на стрекозе.

Прием масштабирования, как и приемы очеловечивания животных, переселения в неведомые страны или игра в будущее человечества – архетипические забавы всех времен и народов. Просто у Джонатана Свифта его богатая фантазия сплела воедино и то, и другое, и третье. Нам на потеху.

В мои двенадцать лет отец подсунул мне взрослое издание "Гулливера", выпущенное в 1928 году ленинградской Academia. С этого томика, кстати, пошли все знаменитые книги прославленного издательства: раньше они внешне не отличались от всей массовой продукции 1920-х, а тут была и солидная редакционная подготовка (перевод Адриана Франковского, вступительная статья Эрнеста Радлова, предисловие Петра Когана) но самое главное – 402 иллюстрации Жана Гранвиля.



СМОТРИ ТАКЖЕ

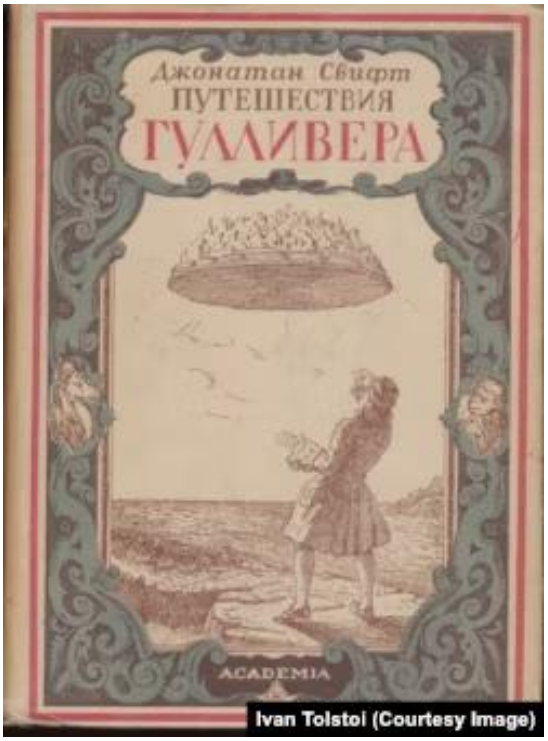
Завещание по-ирландски: как обойти налогового инспектора

Иллюстрации эти не просто хороши – они конгениальны сатире Свифта. Гранвиль по дарованию своему был карикатуристом, видевшим смешное и нелепое во всем подлунном мире – и в животных, и в растениях, и даже в неодушевленной природе. Он и братьев наших меньших уличал в тех же человеческих пороках, что и нас, – в лицемерии, в корысти, в зависти. Его лошади и собаки антропоморфны, человеческие лица напоминают дубы и пни, а с придорожными камнями можно при удаче договориться о спасении.

Что же до техники рисунка, Гранвиль по наблюдательности уступает разве что Гюставу Доре, а по сатиричности так и превосходит его.

Увидев один раз, как проиллюстрирован эпизод в "Путешествии в страну гуигнгнмов", вы не забудете рисунка никогда: йэху мужского пола, "с жадностью пожирающий" крысу. Кто как, а я полжизни не мог забыть этого отвратительного в своем правдоподобии зрелища.

Вероятно, возросшие с годами моральные требования советской цензуры оградили следующие поколения отечественных читателей от этого натуралистического изыска, и тошнотворный завтрак йэху мне в других изданиях больше не попадался. Но бессмертные французские иллюстрации сделали свое дело: мне стали интересны биографические и творческие обстоятельства Свифта. Уже на одной только радловской статье было чему поучиться.



Обложка русского издания "Путешествий Гулливера", издательство Academia, 1928

Оказалось, что Джонатан Свифт родился "от английских родителей" (незабываемое для подростка выражение), но в Дублине, который стал его и проклятьем, и спасением. В местном университете он "не отличался рвением к наукам" и получил выпускное свидетельство "из милости", сохранив на всю жизнь "отвращение к схоластической философии".

Поскольку у моего отца, в силу странных предрассудков, не было в домашней библиотеке приличной энциклопедии, мне приходилось постоянно выяснять у него значение непонятных словечек. Брокгауза, Брокгауза – вот что нужно было покупать читающему подростку: в конце 60-х он стоил сущие копейки, а сулил истинную образованность. Между прочим, именно Эрнест Леопольдович Радлов перенял от Владимира Соловьева редактирование всех философских статей в Брокгаузе и Ефроне, а отец мой всегда любил историю идей.

По мере чтения вступительная статья действовала как хороший курс эссеистического мастерства. Например, некто, упоминаемый Радловым, "усвоил себе 5-е правило Бальтасара Грасиана, гласящее, что мудрец предпочитает, чтобы в нем нуждались, чем чтобы его благодарили". Вот тут-то мой отец был посрамлен: он понятия не имел о четырех других правилах, а русского издания Грасиана у него дома не было, и пришлось ему в поисках ответа рыться в Куно Фишере и прочих Виндельбандах. А уж когда в "Литпамятниках" Грасиан был наконец-то выпущен, я в назидание подарил его отцу, чтобы скрасить его закатные годы.

“ Вольтер - Свифту: "Чем более я читаю ваши сочинения, тем менее мне нравятся мои"

До чего же хотелось научиться писать по-радловски, хотя бы цитировать, как он: "Последние годы Свифт впал в состояние почти идиотизма". Что не мешало Вольтеру обращаться к дублинскому сидельцу: "Чем более я читаю ваши сочинения, тем менее мне нравятся мои".

Насыщенность свифтовых перекличек и направленность его сатирических стрел уводили, разумеется, Свифта из детской во взрослые комнаты: "Он издевается над Исааком Ньютоном, и если он не трогает Джорджа Беркли, то только потому, что это его старейший друг. (...) Свифт вообще был врагом систематической философии, над которой постоянно смеялся: так «Сказка о бочке» направлена против философии Гоббса, попутно в ней он смеется и над величайшим филологом своего времени, Бентлеем".

"Максимы" Ларошфуко и "Гаргантюа" Рабле были любимым чтением декана Дублинского собора.

Понять ли в 12-летнем возрасте, что "Гулливер" был не просто ответом, но издевательской пародией на "Робинзона"? Мало того, что Свифт называл Даниэля Дефо "безграмотным писакой" с его верой в разум и жизнестроительным пафосом, но он методично высмеял поведение всех туземских сословий и нравы всех каст (имея в виду под этим, конечно, современное ему британское общество). Новейшие свифтоведы полагают даже, что выдуманное писателем слово лилипуты и название острова Лапута содержат в себе неприличный романский корень "пут" (шлюха). "Лили" – это, разумеется фонетическая форма little – маленький, так что лилипуты оказываются шлюшками. Таков знаменитый сатирик.



СМОТРИ ТАКЖЕ

"Неопалимонница". Как Игорь Сирин "дописал" текст Владимира Набокова

В пандан Свифту отметим, что куда конь с копытом, туда и рак с клешней: двести лет спустя Владимир Набоков в англоязычной "Лолите" изобрел уменьшительный неологизм whorelet, что значит в точности то же самое: шлюшка. Начитанность обоих авторов общеизвестна. (Кстати, сетевой поиск относит первое словоупотребление whorelet к 1689 году – правда, без последствий для широкого применения).

Так вот, и Лапута тех же кровей: испанская la puta (то самое) вынудила тамошних издателей поменять в свифтовском тексте неприличное для них название Лапута на нейтральное Лупата или Лапуда. В России же звуковая связь путан с некоторыми фамилиями уже, кажется, никого не смущает.

Вступительная статья к "Гулливеру" учила нас читать не только самого Свифта, но и видеть его влияние в других культурах: "Кое-что из религиозного скепсиса

> **“ В России же звуковая связь путан с некоторыми фамилиями уже, кажется, никого не смущает**

Толстого – мягко подмечает Радлов, – из его отношения к браку, медицине, юриспруденции и науке, сильно отзывается Свифтом. Некоторые выражения, как, например, «он остался жив, несмотря на то, что его лечили», мы находим и у Свифта".

Полжизни спустя я отметил про себя еще одного Гулливера – совместный псевдоним Владислава Ходасевича и Нины Берберовой – и подумал, что он выбран весьма удачно: парижское "Возрождение" регулярно печатало их обзоры советской и эмигрантской литературы. Тут было оправданное выбранным псевдонимом раздолье для язвительных стрел в адрес тогдашних блефуску, гуигнгнмов, мальдонадцев и струльдбругов, не говоря уже о шлюшках обоего полу.



Джонатан Свифт

А с опытом XX века, да еще и советско-российским, перечитывать "Гулливера" особенно поучительно. Тут и проекты реформы правописания, и инструкции для открытия противоправительственных заговоров (доклады, в каком часу жители садятся за стол, на каком боку спят и прочее), и создание Академии прожектеров – высшего органа, планирующего жизнь населения (разумеется, голодающего и носящего лохмотья). И летающий остров Лапута примечателен не только своим неприличным названием, но прежде всего поставленными перед ним задачами – подавлять недовольство земных жителей и, в случае чего, забрасывать их сверху камнями.

Самым забавным сегодня кажется описанный Свифтом лапутский станок "для усовершенствования умозрительного знания". С помощью этого изобретения "самый невежественный человек, производя небольшие издержки и затратив немного физических усилий, может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию при полном отсутствии эрудиции и таланта".

Другой станок (со всеми словами местного языка, но без всякого порядка) призван был "связать их вместе и из полученного таким образом материала дать миру полный компендий всех искусств и наук". Даже странно, что ныне словом SWIFT

именуется система банковских переводов, а не компания по разработке искусственного интеллекта, выдуманного, как видим, ровно триста лет назад, в книге, вышедшей 28 октября 1726 года.

Напечатанной, кстати, поначалу анонимно.



Иван Толстой

Другие статьи и программы здесь: Герои Ив.Толстого

Выбор Свободы | Культура